

**Сергей Маловичко,
Марина Мохначева**

**ТЕНДЕНЦИИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Данная статья – очередная попытка авторов привлечь внимание широкого круга историков, этнографов, филологов, литературоведов, социологов и политологов к проблеме саморефлексии исследователей региональной истории и задачам интеграции исторического краеведения, новой локальной истории и регионалистики в новый тип гуманитарного знания – историческую регионологию.

Этой статье предшествовали неоднократные выступления авторов на конференциях, симпозиумах, в отраслевой периодике и повременных изданиях с целью актуализировать проблему сложившейся в отечественной историографии ситуации “не/совместимости” краеведения, регионалистики, новой локальной истории¹, обратить внимание научной общественности на состояние современной технологии историописания, увы, далекой от подлинно научного синтеза “традиционного”, “классического”, “академического”, “нового” подходов к историографической разработке региональной истории².

Условия постсоветской действительности коренным образом изменили российскую историческую науку, академические и вузовские структуры, столичные и региональные сообщества российских ученых, их научно-коммуникативные связи и взаимодействия с западными коллегами, способствуя тем самым становлению принципиально иной интеллектуальной идентичности корпуса историков.

Отметим наиболее значимые события. Это беспрецедентная по масштабам и числу участников межведомственная программа “Культура

---

¹ См.: Маловичко С.И., Мохначёва М.П. Регионалистика – историческое краеведение – локальная история: размышления о порогах и пороках “не/совместимости” // Харківський історіографічний збірник. Вип. 8. – Харків, 2006. – С.23-37.

² См.: Мохначёва М.П. Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Проблемы методологии и источниковедения: Материалы III научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко (МГУ им. М.В. Ломоносова, 1 – 2 декабря 2003 г.). – Москва, 2006. – С. 76-91; Маловичко С.И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 7. – Ставрополь, 2005. – С. 5-31.

российской провинции”, в рамках которой проведены тематические все-российские конференции:

“Культура российской провинции” (Москва, 1991);

“Провинциальный город: культурные традиции. История и современность” (Елец, 1992);

“Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни” (Пенза, 1995);

“Культура российской провинции: Век XX – XXI веку” (Калуга, 2000);

“Отечественная культура и развитие краеведения” (Пенза, 2000),

Следует отметить также первую международную конференцию, посвященную региональной истории как направлению в российской и зарубежной историографии (Рязань, 1999) и всероссийский научный форум “В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии” (Пенза, 2001)³. Наконец, международный семинар “Методология региональных исторических исследований. Российский и зарубежный опыт” (С.-Петербург, 2000).

Эти и другие форумы продемонстрировали общие всем историкам стремления к интеграции проблемных полей региональных исследований, тенденцию к формированию нового гуманитарного знания. Вместе с тем, материалы этих форумов обнаружили ряд противоречий, обусловленных спецификой авторской саморефлексии дисциплинарного знания в области исторического краеведения, местной истории, новой локальной истории в контексте проблемных полей таких субдисциплин как регионалистика и регионология.

Со времени международного семинара “Методология региональных исторических исследований. Российский и зарубежный опыт” прошло десять лет. За это время сложились региональные школы в российской историографии региональной истории, которые сформировались, главным образом, на базе вузовской науки.

Наиболее активную, плодотворную научно-исследовательскую работу в этом плане ведут преподаватели, аспиранты, студенты исторического факультета Воронежского госуниверситета. Здесь создан Центр духовного возрождения Черноземного края. На базе Тверского государственного университета действует программа, посвященная истории русского города. Исторический факультет госуниверситета им. Ярослава Мудрого (Новгород Великий) специализируется на проведении региональных историко-архивоведческих конференций. Нижегородский университет организует региональные конференции по памятниковедению и

³ См. В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Материалы научной конференции. Пенза, 25-26 июня 2006 года. В 2-х кн. – М., 2005.

археологии края. Московские педагогические вузы инициировали проведение ряда региональных конференций на тему “Проблемы истории Московского края”.

Наряду с университетскими конференциями большой вклад в развитие историографии и источниковедения региональной истории вносят именные чтения⁴. Сегодня практически в каждом районном городе России усилиями местных музеев, библиотек, архивов при содействии региональных отделений СКР проводятся историко-краеведческие конференции с публикацией их материалов. С 1993 г. историки-краеведы активно участвуют в ежегодно организуемых Московской патриархией Рождественских чтениях. Ежегодно проводятся также конференции возрожденного Общества русской усадьбы, изданы материалы этих форумов. В 1990, 1994, 2001 г. состоялись конференции по комплексному изучению российского некрополя.

Нельзя не сказать о специальных научно-методических конференциях, которые проводятся в рамках программы “Малые города России: Проблемы истории и возрождения” (1999, 2001, 2002), а также о регулярных научно-практических конференциях, организуемых созданным в 1989 г. научным и культурно-просветительским обществом “Энциклопедия российских деревень”.

Об интересе к российским конференциям и форумам, посвященным региональной тематике, свидетельствует международная конференция “Краеведение в России (1890–1990). Истоки. Проблемы. Возрождение”. Она проходила в мае 2000 г. в Париже, по инициативе проректора Сорбонны IV профессора Ф. Конта с участием представительной российской делегации историков-краеведов во главе с С.О. Шмидтом. Материалы конференции изданы в Париже (на франц. яз.).

Материалы конференций, семинаров, именных чтений и других форм научной коммуникации по историческому краеведению, а также литературу по общим вопросам состояния и развития краеведческого движения, теории и практике библиотечного краеведения в России и за рубежом можно найти в выпусках текущего библиографического пособия “Библиотека и краеведение”, которые издает Российская национальная библиотека (РНБ). Уже изданы четыре выпуска этого справочника,

⁴ В Москве – Забелинские, Барановские, Куракинские; в Петербурге – Анциферовские; в Вятке (Кирове) – Петряевские; в Екатеринбурге – Татищевские; в Котласе – Стефановские, в Липецке – Бартеневские; в Можайске – Макариевские; в Муроме – Уваровские; в Мурманске – Ушаковские; в Мышкине – Опочининские; в Омске – Макушинские; в Перми – Смышляевские; в Рязани – Яхонтовские, в Уссурийске – Арсеньевские, в Шадринске – Бирюковские, в Ярославле – Тихомировские. И это далеко не полный список именных чтений с участием краеведов, деятелей науки и культуры. Подробно: *Козлов В.Ф.* О роли научно-практических конференций в активизации краеведческого движения в 1990-е годы // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. – С. 68-76.

содержащие библиографию за 1991-2000 гг., причем вся литература описана *de visu*⁵. Это несколько тысяч наименований; только в четвертом выпуске издания зарегистрировано 1510 наименований.

Научный уровень историко-краеведческих исследований в регионах России наглядно демонстрируют свыше полусотни изданных за последние 10-15 лет новейших региональных энциклопедий, они демонстрируют “масштаб” и “образ” региональных научных и учебно-образовательных школ, местных историографических традиций и научно-издательской политики. Яркими свидетельствами своеобразия историко-краеведческих исследований, которые образуют собою *местографию*, являются историко-краеведческие научные, культурно-просветительские, научно-популярные периодические издания: “Московский журнал”, “Тверская старина”, “Ярославская старина”, костромские журналы “Губернский дом” и “Костромская старина” и целый ряд других; ежегодники “Тульский краеведческий альманах”, “Из истории Воронежского края”; пензенские издания “Краеведение” и “Пензенский временник любителей старины”; сборники “Шадринская старина”, “Тагильский краевед”, “Пермский край” и др.; альманах “Уральское краеведение” и сборник-журнал “Уральская старина”. Нельзя не сказать о журнале “Эхо Кавказа”, который издается с 1992 г. Ассоциацией народов Кавказа, где историко-краеведческая тематика занимает ведущее место. Можно назвать и другие не менее значимые в научном отношении региональные периодические и продолжающиеся издания.

Наряду с успешно действующими региональными проектами Российского общества интеллектуальной истории (РОИ), Междисциплинарного научного центра историко-психологических исследований (Краснодар) успешно развиваются исследования в области гендерной истории, исторической антропологии, микро- и макроистории.

Созданный в 2002 г. научно-образовательный центр “Новая локальная история” (Ставрополь – Москва)⁶ одну из программных задач видит в преодолении теоретико-методологической пороговой не/совместимости “старой” и “новой” традиции в российской историографии региональной истории. Аналогичную задачу включил в свою программу Центр исторического регионоведения и краеведения (Рязань). Продуктивные научные разработки региональной истории, географии, экономики, культуры ведутся в Сибири силами университетских преподавателей Омска, Томска, Новосибирска.

Сегодня перед российским научным сообществом, академическими учеными и преподавателями вузов, занятыми разработкой региональной

⁵ См.: Библиотека и краеведение за 1991-1993 гг. – СПб., 1995. 159 с.; ... за 1994-1996 гг. – СПб., 1998. 320 с.; ... за 1997-1998 гг. – СПб., 2001. 304 с.; ... за 1999-2000 гг. – СПб., 2003. – 376 с.

⁶ См.: сайт научно-образовательного центра “Новая локальная история”: <http://www.newlocalhistory.com>

истории, стоит задача дифференциации предметных полей и дисциплинарных полномочий регионалистики/регионоведения, краеведения/исторического краеведения, локальной истории/новой локальной истории, провинциальной/региональной/местной истории и историографии.

Размышляя над этой проблемой, С.О. Шмидт уточнил предложенные им ранее трактовки определения предмета краеведения и регионалистики: “В наши дни регионоведение (или регионалистика) утвердилось как междисциплинарная научная и просветительская деятельность на стыке наук гуманитарного и иного профиля... Регионоведение – это комплекс более широких (и в тоже время менее конкретизированных) знаний, чем краеведение, включающих современное состояние региона и сферу политологии... Под краеведением понимают не только науку, изучающую развитие и современное состояние конкретных региональных сообществ и территорий, но и научно-популяризаторскую и просветительскую работу определенной тематики: о прошлом и настоящем какого-либо края (обычно своего родного – “малой родины”) и его памятников. Объектом интереса краеведа может быть местность разного пространственного масштаба и культурно-исторического значения...”⁷. Таким образом, спустя сорок лет после дискуссии 1960-х годов о предмете и содержании историографических исследований, в том числе историко-краеведческих, С.О. Шмидт инициировал обсуждение вопроса о дисциплинарной иерархии современного исторического и шире – гуманитарного знания с позиций историко-культурной парадигмы теории истории.

Сегодня каждый серьезный исследователь ставит перед собой задачу поиска адекватного ответа на принципиальный для всех гуманитариев вопрос о структуре современной гуманитаристики, внутридисциплинарных и межотраслевых отношениях в сфере гуманитарных наук, решая тем самым проблему соотношения макро- и микроистории, уточняя точки пересечения дисциплинарных полей интеллектуальной истории, культурной истории, истории исторической науки, истории исторической мысли, истории исторического знания и др.

Ответ на этот весьма непростой вопрос позволит найти путь к продуктивному освоению культурно-цивилизационных ценностей, фундаментальных основ науки, “старой” и “новой” историографической традиции.

Сложность поиска “правильного ответа” сопряжена с проблемой адекватной оценки “уровней специальной (научной) подготовки” участников научного процесса и историографического дискурса, историков-профессионалов и не профессиональных историков через авторский

⁷ Шмидт С.О. Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований. Российский и зарубежный опыт. Материалы международного семинара 19-20 июня 2000 года, Санкт-Петербург. – СПб., 2000. – С. 11-15.

“текст-источник” или личностный “уровень” и “интер-текст” культуры эпохи или “уровень” ценностно-смыслового единства восприятия и объективации предмета исторического, источниковедческого и историографического исследования.

В такой постановке вопроса историческое сознание выходит на первый план как категория, формирующая отношение человека (историка-профессионала и историка-любителя) и общества “разного пространственного масштаба” к прошлому и настоящему, субъекту и объекту историографического процесса.

Пространственный масштаб историографии сегодня понимается и интерпретируется по-разному, с разных позиций “соединения субъекта с предикатом”. И как история “конкретных региональных сообществ и территорий”, включающая, по определению С.О. Шмидта, историко-научную, историографическую составляющую краеведения. И как “история места, под которым понимается не территория, а “микрообщество”, совокупность людей, осуществляющих определенную историческую деятельность” (С.А. Гамаюнов, 1996). И как история научного “микрообщества” в виде “школы”, “направления”, “течения” исторической мысли (С.И. Михальченко, 1996; Г.П. Мягков, 2000; В.С. Брачев, 2001). И наоборот: “история места” (края) – как региональная (провинциальная) историография (М.П. Мохначева, 1997, 1998; А.А. Севастьянова, 1998, 2002; В.А. Бердинских, 2003), историческое краеведение – как регионалистика (Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. – СПб., 1999). Этот ряд можно продолжить примерами разнообразных смысловых контекстов определений понятий “локальная история” и “новая локальная история” (Т.А. Булыгина, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, 2002-2006).

Представители направления “новая локальная история” акцентируют внимание исследователей, во-первых, на том, что регионы и области существуют во многих государствах, и они отличаются от других не только юридическим статусом, но и комбинацией культурных, экономических, экологических, политических или социальных признаков, то есть тем, что делает их уникальными. Границы же между ними гибки и пористы, поэтому историки должны подходить к объектам изучения вне политических категорий и искать другие признаки, которые связывают вместе людей и ландшафты.

Во-вторых, необходимо учитывать, что историографическая практика новой локальной истории базируется на рефлексии о способности видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней. Изучаемый локус, предполагает не-локальность, так как исследовательская операция строится на признании глубокой взаимной детерминации “внешнего” и “внутреннего”. Происходит осознание того, что “исторический ландшафт” не дан историку; историк должен его построить сам. Поэтому было бы ошибкой полагать,

что конституирование новой локальной истории идёт от объекта исследования (локуса/места/края...). Её организация изначально основывается на методологических процедурах. В отличие от традиционного подхода к изучению местной истории, новая локальная история сама определяет объект своего изучения, он не задан ей заранее территориальными рамками.

С появлением сети Интернет пространственный масштаб гуманитарного знания, включая историю, все чаще ассоциируется с “виртуальным сообществом” исследователей, которое рождается в ходе освоения пользователями Интернет-ресурсов и Интернет-технологий, формирующих новый тип культуры исторического “письма”, новый вид исторического и историографического источника – электронный документ.

Иллюстрируя тот или иной “масштаб” и “образ” историографии, совпадающий (полностью или лишь частично) или не совпадающий с авторским пониманием указанных выше границ “территории” и “пространства” историографического дискурса, исследователь решает еще одну и, пожалуй, самую сложную проблему понимания историографического “текста-источника”, которую философы объясняют как “существование... *естественной единичности нашей мысли*, ...единиц нашего мышления не таких, как мы их представляли себе”⁸.

Действительно, профессиональные историки, и не только они, по-разному идентифицируют себя, “свое” и “чужое”, в разработке теории и истории исторической науки. Следует признать также, что многие из нас не всегда ответственно относятся к языку (рабочим языкам) историографии. Вот тут-то и начинаются коллизии с интерпретацией определенных предмета краеведения и регионалистики (и/или регионологии), исторического краеведения и провинциальной историографии, “универсальной” (“академической” и “столичной”) и “региональной” (и/или “провинциальной”) историографии, и соответственно “истории места” (края) как территориального и интеллектуального пространства. Авторские трактовки этих предметных полей указанных дисциплин, субдисциплин и научно-исследовательских направлений демонстрируют различные точки зрения на субъект и объект историографического дискурса и историографического “письма” (текста).

Налицо две проблемы, которые необходимо решать всякий раз, когда речь идет о понятийно-категориальном аппарате истории, особенно, когда речь заходит об историческом краеведении, локальной истории, регионалистике и провинциальной/региональной/местной историографии.

⁸ Мамардашвили М. Философские чтения. – СПб., 2002. – С. 395. Курсив автора.

Первая проблема связана с пониманием нарратива, авторской и нарраторской коммуникации, и нарратологии, выбора модели и теории повествования и интерпретаций – “повествовательных ситуаций” и точек зрения в “плане оценки”, “плане фразеологии”, “плане пространственно-временных характеристик” или “границ” и, наконец, в “плане психологии”. В каждом из этих планов автор (нарратор) “может излагать события с двух разных точек зрения – со своей собственной или с “внутренней”, принимая оценочную, фразеологическую, пространственно-временную и психологическую позицию” изображаемого (описываемого) события⁹. Вольф Шмид предлагает включить в этот список и “языковую точку зрения” или “план” языка повествования.

Итак, необходимо всмотреться в исторический дискурс исследователей, конструкцию и содержание их текстов, мастерские, где “делается” локальная история и тем самым идентифицировать уровни и типы репрезентируемого исторического знания. Естественно, что такая задача предполагает использование *компаративных подходов*, которые, безусловно, заставят исследователей задумываться о социокультурной “нагруженности”, многоуровневом характере знания, нелинейности развития науки.

Новая геополитическая и социокультурная ситуация заставляет осмыслить мир в единстве его многообразия на основе компаративных подходов, что делает необходимым поиск нового локального (“глокального”) субъекта исторического действия. Долгое время традиции изучения местной истории не признавались в зарубежной и российской историографии как историко-научные, и сегодня они зачастую считаются маргинальными и/или периферийными “нормативной” историографии¹⁰.

Изучение типа исторического знания предполагает создание определенного контекста. Таким контекстом может стать “культурный фон”, но лишь в том случае, если исследователь не будет сужать его источниковой базой интерпретационных возможностей. О взаимодействии текстов с контекстами в настоящее время много говорят историки, работающие в проблемном поле интеллектуальной истории¹¹. Ученые подчеркивают важность внимательного чтения текстов и изучения контекстов. Историография должна находить приемлемый методологический инструмента-

⁹ Шмид В. Нарратология. – М., 2003. – С. 116. См. также: Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. – М., 2003.

¹⁰ См., например: Hoskins W.G. Local History in England. Longman, London & New York, 3rd ed, 1984; Momigliano, Arnaldo. Les origines des recherches sur l'Antiquite // Momigliano, Arnaldo. Les fondations du savoir historique. – Paris, 1992. – P. 61; Amato, Joseph A. Rethinking Home: A Case for Writing Local History. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. – 2002. – P. 4; Nash, Catherine. Local Histories in Northern Ireland // History Workshop Journal. – 2005. – No. 1. – P. 45-68 и др.

¹¹ Editorial // Modern Intellectual History. – 2004. – Vol.1. – No.1. – April. – P. 1-2.

рий в смежных с ней дисциплинах, включая социальные науки, культурные исследования, литературную критику, психоанализ, философию и т. д. Такую историографию называют саморефлексивной историографией.

Для нас важны не только источники, которые использовал тот или иной исследователь (историописатель), но и сама историографическая операция – приемы работы с источниками и исторической литературой наряду с анализом конструкций исторических нарративов.

Компаративный подход – наиболее приемлемый, на наш взгляд, инструментальный для эффективного анализа историографических операций. Возможности компаративной историографии следует использовать как в изучении национальных дискурсивных приёмов в рамках классической европейской историографической традиции, так и отдельных уровней исторического знания, а также типов исторического письма в национальной историографии. Необходимо заметить, подобное исследование совершенно не плодотворно в случае проведения простой описательной процедуры, выявляющей новые направления, под которыми понимается лишь расширение тематики исследований.

Исследование в проблемном поле компаративной историографии не возможно без четко обозначенной методологии и методики. Толерантность к Другому невозможна без самоидентификации как в историческом, так и в коэксистенциальном социокультурном пространстве и сознания ценности культурного опыта своего социума. С этической точки зрения можно с осторожностью констатировать частичную переориентацию морали в направлении толерантности. Одним из оснований самоидентификации на протяжении нового времени является социальная память исторического типа. Однако в современном социуме ясно обозначилось противоречие между нарастанием необходимости толерантного мироощущения и ограниченностью наработанного в течение преимущественно XIX в. опыта национально-государственной и “местной” самоидентификации, реализовавшегося, в частности, в многотомных национальных историописаниях и краеведческих работах.

Вместе с тем напрашивается вопрос: есть ли вообще перспектива для дальнейшего существования местной истории в рамках быстро меняющейся историографии как науки?

Некоторые зарубежные авторы считают, что профессионализация местной истории создает определенный риск для историографии как истории, так как этот процесс подрывает доверие находящегося во власти местных мифов общества к истории, бросающей вызов местным пред-

почтениям¹². Снять противоречие между притягательностью местной истории в условиях кризиса исторического метанарратива и потребностью в идентификации в глобальном социокультурном и историческом пространстве способен “эстравертный” тип локальной истории, отличающийся открытостью и толерантностью.

Другая часть зарубежных исследователей пытается осмыслить проблему маргинального положения местной истории, удачно разделяя ее историографические практики на “экстенсивную” (традиционную операцию сбора фактов) и “интенсивную” (рефлексирующие новые методы)¹³. Они призывают исключить негативный смысл понятия “местная история как ненаучная, непрофессиональная исследовательская практика”, но при этом более четко очерчивать границы локальной истории как науки от ненаучных практик историописания местной истории¹⁴. Под *интенсивной* практикой и *научным* подходом к изучению местной истории они понимают рефлексию исследователя об актуальной социокультурной ситуации, состоянии современной науки, вырабатываемых ею подходах, исследовательском инструментарии и умении его применять. Важно отметить, что к изучению проблем локальной истории профессиональную историографию подтолкнул применяемый “новой исторической наукой” междисциплинарный подход.

Аналогичные мнения звучат на межрегиональных, международных и Интернет-конференциях, которые ежегодно проводит центр “Новая локальная история”. Последняя Интернет-конференция на тему “История города и села: теория и исследовательские практики” состоялась 10 ноября 2006 г. К началу ее работы на сайт Центра поступило 45 сообщений. Их авторы – профессиональные историки в возрасте от 25 до 60 лет, живущие в 11 крупнейших городах центрально-европейского, северокавказского и уральского регионов России, работающие в вузах либо в региональных научных учреждениях, имеющие в среднем более 20 опубликованных работ, включая монографии и учебные пособия, в том числе по профилю конференции – не менее 5. Проблематика конференции заинтересовала европейских и американских исследователей, они заходили на сайт конференции в режиме on-line. Практически в каждом сообщении, так или иначе, прозвучал один и тот же вопрос – о выборе наиболее эффективных форм, приемов и методов сочетания теории истории с опытом конкретно-исторических исследований. При этом на вопрос “возможна ли сельская история?”, одни авторы отвечали, что надо не

¹²Weyenth, Robert R. The Risks of Professionalizing Local History: The Campaign to Suppress My Book // Public History News. – 2003. – Vol. 24. – No. 1. – Fall. P. 1-2.

¹³Sidbury, James. Plausible Stories and Varnished Truths // The William and Mary Quarterly. – 2002. – Vol. 59. – No. 1. January. – P. 179-184.

¹⁴Gordon, Michael. Research Methods in Local History. 2004 // <http://www.uwm.edu/Course/448-715/syllabus.html>

мечтать о какой-то несуществующей “идеальной” исторической науке, а глубоко рефлексировать наличное историческое знание.

Другие, ставя тот же вопрос, подчеркивали, что сельская и городская истории, с одной стороны, стали следствием специализации исторического знания, а с другой – практикой реализации принципов исторических направлений эпохи пост-постмодерна; при этом некоторые авторы не удержались от известного нигилизма в понимании/объяснении значения работ предшественников. Говоря о “модных” темах, участники конференции высказывали мнение, что “маятник академической моды” перестал качаться между макро- и микро- уровнями исторического исследования и исторической интерпретации; логика развития науки на рубеже XX-XXI в. заставила ученых обратиться к осмыслению достижений и инноваций в смежных отраслях гуманитарного знания (антропологии, культурологии, филологии, этнографии), перейти к пересмотру эмпирических оснований исторической науки, принципов ее самоорганизации и саморазвития.

Объявляя городскую и сельскую истории перспективными кросс-историческими областями “новой локальной истории”, участники конференции высказывали единодушное мнение о том, что микроанализ не может отождествляться с понятием *новый историзм*, а микроистория – с единственным путем к *новому синтезу* и что перед российским научным сообществом по-прежнему стоит задача дифференциации предметных полей и дисциплинарных полномочий регионалистики, регионологии, краеведения, исторического краеведения, локальной истории, новой локальной истории, провинциальной, региональной, местной истории и историографии. Эта задача будет возникать всякий раз, на каждом новом витке саморефлексии отраслевого и дисциплинарного научного знания, включая языки историографии. Участники конференции подчеркивали также, что метод *диалога*, предполагающий соотнесение текстов друг с другом для большего понимания их авторов, позволяет выделить в текстах то, о чём сами тексты не говорят¹⁵. Эта же мысль звучала на XIX международной научной конференции “Единство гуманитарного знания: новый синтез”, состоявшейся в Историко-архивном институте РГГУ 25 – 27 января 2007 г., в рамках которой работала секция “Новая локальная история”.

Следует подчеркнуть, что интересубъективный феномен исторической науки не представляет собой некую полностью рационализированную модель исторического познания, поэтому всегда необходим анализ исторического знания, находящегося на “периферии” от ядра этой модели или рядом с ней. Необходимо выявлять социокультурные и лингвистические аспекты этой “периферии”, “каналы” проникновения традиции в структуру исторического знания на всех его уровнях: от

¹⁵ <http://newlocalhistory.com/interconf/2006/>

обоснования предмета и объекта изучения до процесса работы с источниками, аргументации и литературной фазы объяснения. Ядро историологической модели – это не идеальный, но нормативный образец, выработанный европейской культурой в виде профессионального исторического познания.

“Нормативный исторический текст” – научное историческое исследование, покоящееся на основе ценностно-детерминированного комплекса правил оформления исторического письма, которое мы называем культурным полем историографии. Периферия этого культурного поля, степень удалённости от “ядра” нормативного текста нельзя назвать не-культурой/не-наукой. Здесь более подходит понятие Р. Познера “экстра-культура” (Extra-culture), которая в отличие от полностью непонятной культуры “Чужой” – “не-культуры” (Non-culture) более или менее понятна, но все же не своя – “Другая”, периферийная (peripheral), удалённая от ядра своей¹⁶. Таким образом, обращение внимания на историографические практики, не вписывающиеся в ядро культурного поля историографии, позволит увидеть её многоуровневость.

“Рассказывание” национальной или местной истории – форма поиска идентичности. Строительство идентичности в претендующем на научность историческом нарративе отличается от других форм исторического изложения своей последовательностью, логикой, правилами “письма”, выработанными культурным полем историографии. Однако любой исторический нарратив – это субъективное строительство “идентичности”. Акт повествования – лишь частично отвечает на потребности настоящего. Как правило, местное историческое повествование, помимо стремления автора “встроить” местную историю в национальный контекст, подчинено желанию “рассказчика” истории восстановить образы локальной коллективной памяти, и главное, выбрать те образы, которые подходят нуждам настоящего – выделиться среди других локальных объектов некими своими чертами.

П. Рикер выделяет несколько фаз историографической операции, при помощи которых любой историописатель создает свой исторический текст. В историческом исследовании *документальная* фаза и фаза *объяснения/понимания* включают выбор источников, способа объяснения и варьирование масштабов исследования¹⁷. Если документ или текст другого историка (исторический нарратив) служат доказательством в связи с объяснением, то все, что объяснение/понимание вносит нового относительно документальной интерпретации исторического факта, касается способов установления связи между документально подтверждаемыми

¹⁶ Posner R. What is Culture? Toward a Semiotic Explication of Anthropological Concepts // The Nature of Culture / Ed. by W. Koch. Boacuhum: Brochmayer., 1989. – P.240-295.

¹⁷ Рикёр П. Историописание и репрезентация прошлого // Анналы на рубеже веков – антология / Отв. ред. А.Я. Гуревич. – М., 2002. – С. 29.

фактами. Объяснить – значит ответить на вопрос “почему” путем многообразного использования связки “потому что”¹⁸.

Следует заметить, что многие историки-краеведы до сих пор не видят разницы между историческими источниками и исторической литературой, помещая в разделе “Источники” названия работ историков и своих предшественников-краеведов. Однако изучение приёмов и методов работы региональных исследователей с источниками может указывать лишь на уровень показатель их профессионализма. Мастерскую, создававшую провинциальное и/или краеведческое историческое письмо, идентификация уровня исторического знания полностью не открывает. Поэтому важно понять объяснительную стратегию историописателей. При объяснении провинциальные исследователи и историки-краеведы следят не столько за рациональной внятностью изложения, сколько за его эффективностью, без присущей нормативной историографии чувствительности к дисциплинарным изменениям. Изучение в проблемном поле интеллектуальной истории фаз историографических операций позволяет выявлять тот или иной тип исторического письма, в частности, эрудитский, антикварный, классический и др.

В российской провинциальной историографии и историческом краеведении присутствует как *антикваризм*, так и черты *эрудитского типа* историописания¹⁹. Антикваризм характеризуется тягой историописателя к мелкому, ограниченному, устаревшему; эрудитский тип – страстью к любым, даже недостоверным сообщениям источников, чужим текстам и вообще сбору большого объема “фактов” без их серьёзного анализа.

Эрудитский тип исторического письма, как и антикварное отношение к истории, присутствовали и присутствуют, по крайней мере, в национальных историографиях, имеющих свои корни в классической европейской историографической традиции. Эти формы историописания были и будут. Отечественная историческая мысль принадлежит европейской

¹⁸ Рикёр, П. Память, история, забвение / Пер. с франц. Изд-во гуманитарной литературы. – М., 2004. – С. 255, 320-321.

¹⁹ См.: Румянцева М. Ф. Локальная история в актуальном социокультурном пространстве // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы Региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя / Отв. ред. В. А. Шаповалов. – Ставрополь, 2002. – С. 28-34; Маловичко С. И., Стрелов В. И. Романтическая дискурсивная практика в ставропольском историописании о развитии образования в губернии // Там же. – С. 115-127; Маловичко С. И. Провинциальная историография второй половины XVIII – XIX вв.: выработка черт эрудитского типа исторического знания // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщений XV науч. конф. / Отв. ред. В. А. Муравьев. – М., 2003. – С. 199-202; его же. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 7. – Ставрополь. 2005. – С. 5-31; Штергер М. В. Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX века (по материалам Тобольска и Омска) // Автореф. дис... канд. ист. наук. – Омск, 2003. – С. 9.

и/или “западной традиции” историописания, и антикварное отношение к истории, присутствовавшее в ее исследовательской практике, нередко проявляется и в современных историко-краеведческих исследованиях.

Провинциальная историография, традиционное историческое краеведение отличаются от нормативной историографии тягой к эмпирическому знанию, поскольку базируются на “краелюбии”. Это знание побуждает местных исследователей обращать преимущественное внимание на сбор “фактов”. Процесс “сбора” как смысл истории – *экстенсивная модель* исследования, в которой присутствует комментирование всего, что есть в нарративных источниках, исторической литературе, легендах, устной истории. Нередко такое историописание связано с некритическим отношением к источникам, произвольным отношением к “фактам” и мнениям о них, вплоть до построения произвольных исторических фигур.

Имея своё отношение к периферии нормативной модели и/или культурного поля историографии, “антикварная” и “эрудитская” практики историописания *остаются историей*, но вызывают непонимание, доходящее до неприятия членами профессионального сообщества, считающими себя носителями нормативного исторического знания. Неслучайно, такая практика является для них “Другой”²⁰. Это непонимание рождает метафоры и характеристики истории [дисциплинарной] и местной истории как: “разные культурные берега”, “улица с двухсторонним движением”, “клеймо в науке”, “отлична от типов научной истории” и др.²¹

В эрудитской практике историописания, как и в антикварном отношении к истории нет ничего негативного, мы должны рефлексировать о них, называя явления своими именами, помня, что историческое знание не универсально, оно не только многоуровневое, в нём сосуществовали, сосуществуют и будут сосуществовать различные типы и формы исторической памяти и исторического “письма”.

Однако, это не значит, что историки допускают многообразие правил научного исследования: они могут варьироваться в зависимости от жанра исторического “письма”, но при этом должны оставаться в рамках выработанных наукой стандартов.

Наиболее сложным всегда был и остается вопрос о “границах” дисциплинарного и отраслевого научного знания и их подвижности в системе гуманитарного знания сообразно специфике развития науки и “единичности нашей мысли” при определении междисциплинарных “полей” (“сфер” и/или “уровней”) научных разработок.

²⁰См.: Amato, Joseph A. Rethinking Home: A Case for Writing Local History. – P. 9.

²¹См.: Маловичко С.И. Новая локальная история: историографический опыт выхода за границы провинциализма // Новая локальная история. Вып.2. – Ставрополь, 2004. – С.151-153.

Доклад профессора европейской истории, директора Russian Studies Princeton University, доктора философии Калифорнийского университета Стефана Коткина “О краеведении и его методологии” на международном семинаре “Методология региональных исторических исследований: российский и зарубежный опыт” – яркий пример очередной попытки осмыслить полидисциплинарные “срезы” приоритетной проблематики в области теории и истории краеведения, региональной (провинциальной) историографии. Заметим, что все три дефиниции употребляются в тексте доклада как синонимы, следует также сказать, что перевод текста доклада с американского английского языка принадлежит В. Антонову.

В центре внимания Коткина находится не новая для российских историков, но и не очень разработанная сфера “национальной политической культуры” – “местное самосознание, основанное на историко-научном изучении какого-нибудь края”. В рамках истории научной политики это не что иное, как феномен региональной (провинциальной) историографии и ее взаимоотношений с национальной академической наукой. У немцев, замечает Коткин, этот феномен называется *Heimatkunde* и его историю в различных немецких землях и городах можно проследить с 50 – 70-х годов XIX века, а в английском языке “точного эквивалента, который бы полностью соответствовал немецким и русским терминам, нет”. Коткин анализирует труды Мэка Уолкера (1971), Селии Эплгейт (1990), Алона Конфино (1997) и ряд других работ по истории “местного немецкого самосознания”, на основе которых приходит к неожиданному на первый взгляд заключению: “В принципе, краеведение относится к политическому сознанию. Но политика может быть разной... Краеведение, как и гражданское самосознание в целом, это вопрос принципов, личных установок и отношения к обществу”. Поясняя свою мысль, ученый обращается к опыту разработки одного из приоритетных направлений в новейшей американской русистике – “истории пограничных зон”, и заявляет: “Пограничные зоны особенно интересны в отношении местного и национального самосознания и важны для воспитания в духе *сотрудничества, синкретизма и интеграции*. Это – не призыв к изменению границ, а призыв к их пониманию и, если хотите, к *нарушению границ в интересах взаимопонимания*”²².

Над ситуацией “нарушения границ в интересах понимания” размышляют философы, они, как и историки, ощущают потребность и наме-

²² Коткин С. О краеведении и его методологии // Методология региональных исторических исследований... – С. 16-22. См. также: Ананьич Б.В. Значение региональных исследований для характеристики особенностей экономического развития дореволюционной России // Методология региональных исторических исследований... – С. 38-39; Чернышев А.Г. “Региональная составляющая” и современный политический процесс. От постановки проблемы к методологии и концептуализации исследований // Там же. – С. 40-48; Шишкин В.И. Постсоветская историография истории Сибири // Там же. – С. 79-82.

рение уточнить или даже пересмотреть понятийно-категориальный аппарат исследований в области регионалистики, методологические подходы и методики историописания.

Сегодня необычайно быстро укореняется появившееся в 1950-х годах понятие “региональная наука”, науковеды пересматривают системные и институциональные “настройки” научного знания. Глобалистика и Регионалистика – два формата современной “настройки” науки на институциональном и парадигмальном уровнях ее развития, они самоутверждаются в качестве макродисциплин, оказывая заметное воздействие на отраслевую историческую науку, ее институциональную инфраструктуру, “масштаб” и “стандарт” исторического “письма”, язык и стиль историописания²³.

Наряду с науковедческим аспектом, – “внешним” по отношению к саморазвитию науки Истории, – “внутренняя” потребность уточнить границы предметных полей провинциальной историографии и исторического краеведения связана с проблемой представлений самих историков о базовых ценностях своей профессии, направления творческих поисков по расширению исследовательского инструментария, отношения к “сопредельным территориям” и связям, “учителям” и “ученикам”. Нередко эту потребность связывают с проблемой дилетантизма в науке и шире – с изучением взаимоотношений научного и околонучного пространства, деятельности историка-профессионала и историка-любителя, выяснения роли непрофессиональных исследователей в разработке проблематики научно-отраслевого знания. Как правило, попытки решения данной проблемы ограничиваются верификацией дефиниций *историография* (*провинциальная историография*) и *краеведение* (*историческое краеведение*). Традиционный лингвистический подход к проблеме соотношения дефиниций в данном случае мало результативен. Каждая новая попытка “лингвистического ответа” на поставленный вопрос позволяет прирастить новую “порцию” эмпирических наблюдений о развитии литературного и разговорного языка. Увы, язык науки по-прежнему остается за пределами профессиональных интересов лингвистов и языковедов. В результате у специалистов смежных областей гуманитарного знания растет число все новых и новых вопросов. Например, о пространственных и временных границах синонимии слов и понятий или о сдаче слов в архив языка (литературного, разговорного, научного, проч.) и ряд других.

Формирование максимально обобщественной смысловой компоненты *краеведения*, необходимой для общения и понимания, всякий раз обогащается индивидуальными, субъективными характеристиками, об этом нельзя забывать, работая с историографическим материалом. Исто-

²³ См.: Беленький И.Л. Роль географического фактора в отечественном историческом процессе. Аналитический обзор. – М. 2000. – С. 5 -14.

рику, как и лингвисту, постоянно приходится сталкиваться с проблемой сопутствующих значений, контекстов, ассоциаций, представлений на основе событий личного опыта (своего и чужого), которые в итоге складываются в индивидуальном сознании в смысловые блоки, представления, инварианты слов, понятий, терминов, границ их смысловых значений.

Гражданский смысл слов *краелюбие*, *краелюб* восходит к синонимичным в XVIII столетии словам *любослов*, *любомудр*, *любознавец*, за которыми уже угадывается происходившая в начале XIX века дифференциация форм и типов историописания, определившая рождение в России профессии литератора, философа, историка, появление историка-краеведа как уникального социокультурного типа ученого²⁴. Действительно, *краелюбие* замыкает на себе историю, регионологию, краеведение. Как именно? Через типы, виды, формы исторического “письма”, историописание и историологию края, которую в последнее время исследователи все чаще именуют провинциологией.

Уточнение границ предметных полей, а также сфер пересечения провинциальной историографии (и/или провинциологии) и исторического краеведения (и/или регионологии) невозможно без осмысления своеобразия динамики “ритмов чтения и письма” и шире – “умственной жизни” в столицах и провинции²⁵.

Учитывая тенденции дифференциально-интегральных процессов, совершавшихся на протяжении XIX столетия в исторической науке, краеведении и в целом в системе гуманитарного знания, дефиниция *провинциальная историография* требует более аккуратного обращения в работах по региональной и местной истории второй половины XIX и особенно XX столетия. У этой категории и дефиниции свои хронологические рамки, уточнение которых напрямую связано с миром национальной культуры, не только ее топонимической, лингвистической “настройкой” (местная, локальная история ... региона, ... края), но с особой социокультурной средой провинции, ее интеллектуальной “настройкой” на свою историю, ее изучение, сохранение, описание с единственной целью “да будет потомкам явлено”. Вот почему проблема поиска локальными сообществами территориальной идентичности сегодня все чаще выдвигается на передний план, причем попытки “совместить геологию с духовностью” по признанию самих исследователей зачастую оканчиваются неомифологией.

В заключении, говоря о проблеме перспектив интеграции региональных исторических исследований, необходимо еще раз подчеркнуть, что

²⁴ См.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997.

²⁵ См.: Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. В 2-х кн. – Кн.1. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII – XIX вв. – С. 86-121.

нет и не может быть одной “научной” практики изучения местной истории: историческое краеведение, локальная, региональная и новая локальная истории и впредь будут представлять гетероглосию. Однако, внимание историков к современному *историко-культурному* подходу, переносящему акцент с *анализа процессов* на *анализ структур*, с линейного исторического метанарратива на локальные социокультурные пространства и их включенность в глобальный контекст, глокальную перспективу позволят снять с местной истории клеймо “маргинального” научного направления, периферийного к интересам “настоящих” историков, “подлинных” ученых.